

РАЗУМНОСТЬ МОРАЛИ И МОРАЛЬНАЯ РАЗУМНОСТЬ ГРАЖДАНИНА

Одной из величайших заслуг И. Канта можно считать возрождение внимания философов к проблемам качественно особой, буржуазной *гражданской морали*. Во времена расцвета философской мысли в Древней Греции гражданская мораль, можно сказать, была в центре внимания социально-этических учений Платона и Аристотеля. Интерес к ней был утрачен при сословно-иерархической организации общественной жизни и господстве религиозных моральных доктрин. В эпоху осмысления духовных последствий европейских буржуазно-демократических революций, внося свою лепту в разрушение всех средневековых социальных и религиозных предрассудков, философы Нового времени выступили со *своими* "протестантскими", "реформаторскими" требованиями коренных преобразований, как в области социальных отношений, так, соответственно, и в сфере духовного производства. Философская мысль изыскивала социальных субъектов для практического утверждения общественно необходимых моральных норм, культурных ценностей, жизненных целей и идеалов. Особую остроту приобрел вопрос о духовных основах и истоках вновь зарождающейся *светской* морали граждан (обыкновенных горожан), нравов и нравственности членов правового государства и личностей гражданского общества. Решением этой философской проблемы одним из первых занялся кенигсбергский мудрец.

Во всем философском настрое мыслителя явно прослеживается потребность в новом понимании морали и моральности граждан. Ведь он определяет гражданина как государственного деятеля, и только поэтому являющегося членом гражданского общества. Все же вместе граждане – члены такого сообщества (народа, нации, страны, государства, человечества), в которое они объединились якобы самостоятельно и свободно (без всякого принуждения) на основе законов. Причем граждане объединяются, повинуюсь только таким законам, на которые или которым они сами и сознательно дали свое согласие повиноваться [1, с. 234].

Объединяясь на основе равных для всех законов, люди преследуют обретение для себя такой свободы как гражданское равенство. Такую свободу граждане обретают в составе народа (нации), когда признают выше себя стоящими только тех граждан, на которых имеют моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот гражданин может налагать на них. Гражданин – лицо, которое имеет гражданскую самостоятельность и является обязанным в составе народа пользоваться своим собственными правами и силами [1, с. 236]. Государство же, хотя и обращается со своими подданными как с членами своей семьи, но в тоже время относится к ним как гражданам государства, т.е. по законам их собственной самостоятельности. Каждый из граждан сам себе господин и не зависит от абсолютной воли другого лица, равного ли ему или

стоящего над ним [1, с. 238]. Такие моральные отношения, несомненно, требовали анализа истоков разумности людей, способных самостоятельно вести себя как граждане. Поведение гражданских личностей предполагает, что в моральных поступках постоянно проявляет себя их разумность.

Гражданским обществом Кант называет сообщество, которое обуславливает наибольшее развитие природных задатков людей. Это – общество, для которого люди оказались достаточно умны, чтобы придумать его, и достаточно мудры, чтобы подчиниться его принуждению [2, с. 465]. Всеобщее правовое гражданское общество есть такое разумное объединение людей, в котором членам его предоставляется величайшая свобода ради совместимости ее со свободой других. Это – общество, в котором собственная моральная природа людей заставляет дисциплинировать себя и тем самым искусно вынуждает развить полностью природные задатки разумности [3, с. 12-13]. При этом, на наш взгляд, явно нельзя обойтись без учета моральности разумной самодеятельности граждан.

Именно насущные проблемы становления и развития новой гражданской морали были тайной причиной создания Кантом своей особой морально-этической концепции. Старая сословная организация общества все более вступала в непримиримые противоречия с буржуазным товарным материальным и духовным производством. Чтобы получила распространение новая буржуазная мораль и установились нравы гражданского общества, гражданским личностям, явно, следовало и нужно было не в церкви ходить и слушать наставления пастырей, а следовало учиться в университетах, покупать и изучать книги новых философов. Духовенство (наряду с аристократией) предстало одним из рудиментарных сословий *гражданского общества*. Всем членам нового общества потребовался философский взгляд на свое место в социальной организации гражданского общества и на свои потребности (ценности и интересы) в духовной жизни. Как отметил *мыслитель*, а не проповедник (!) Кант, поскольку земную (человеческую) власть может засвидетельствовать опыт, постольку гражданское общество от *мира сего*. "Верующие же, *царство* которых на небе и в *загробном мире*, должны ... испытывать земные страдания, подчиняясь верховной власти светских людей" [1, с. 298].

Конечно же, философ признает, что религия не может быть навязана народу или отнята у него ни вновь формирующимся (и формируемым) гражданским обществом, как и никакой гражданской властью. "Свобода" совести личности – итог индивидуальной духовной (культурно-образовательной) развитости человека. Она зиждется на социальной свободе человека от духовных и душевных пут сословного феодального общества. Но по этой же причине ограничивается власть гражданского общества над свободой совести индивида. Гражданина нельзя отстранять от государственной службы, если он исповедует вероучение, отличающееся от вероучения, исповедуемого верховной гражданской властью. Основанное на *вере* социальное и моральное поведение людей изменяется, как только исчезает их особое мнение (или заблуждение) о самих себе. В гражданском же обществе должен быть *свой* порядок в головах, в поведении людей, порядок, не зависящий от их мнений, заблуждений, а, напротив, обусловленный их просвещенностью.

Светская власть, например, закономерно обязана разрешать все проблемы граждан-собственников. И философ поучает, что в гражданском обществе, благодаря просвещению, рушится основанная на заблуждении (на сословном предубеждении) власть духовенства "и государство с полным правом завладевает собственностью, присвоенную церковью, а именно землей, подаренной ей по завещаниям" [1, с. 299].

Мораль религиозных индивидов рассчитана, прежде всего, на общение с богом. Поэтому разумные и справедливые доводы гражданской морали не проникают в духовный мир верующих, как они проникают в сознание гражданских личностей. Всемогущий в откровениях высказал свои требования к каждому верующему и страждущему. Его нравственные требования следует соблюдать каждому смертному индивиду, возжелавшему спасти – получше пристроить на том свете, в загробном мире свою “бессмертную” душу. Более того, святые заповеди даны для индивидов, живущих определенным образом, который предполагает, что даже самые близкие их сородичи с неизбежностью будут грешить. Живя среди них, невозможно самому ни оставаться, ни быть безгрешным. Поэтому за всем морально-нравственным поведением верующих, как за малыми детьми, ревностно наблюдают духовные пастыри-надсмотрщики. Служители церкви умно наставляют паству, накладывая на заблудших покаянные наказания и исправляя оступившихся целительными проповедями. Однако для гражданского общества такая система воздействия на духовные и душевные силы людей не действительна. Граждане живут как автономные личности. Нужна моральная, конкретным философским мировоззрением оправданная система метафизических взглядов и поучений, которая была бы напрямую (и истинно) отражающей закономерностью жизни отчужденных друг от друга личностей в гражданском обществе.

Кант решительно отделил светскую мораль от религиозной. Не отвергая значимости в обыденной жизни людей религиозной морали, он стал изыскивать истоки морали граждан, живущих по законам буржуазного образа жизни. Философу – субъективному идеалисту граждане представлялись *автономными* субъектами-личностями. Эти субъекты гражданского общества руководствуются в жизнедеятельности своими личностными интересами и самостоятельно поставленными целями. Граждане – индивиды, не нуждающиеся в помочах. Они – практически действующие субъекты, опирающиеся на силы своего ума и рассудка, на нравственные устои, усвоенные от воспитателей. Гражданские личности достаточно культурны, чтобы при необходимости самостоятельно выработать знания, которые позволяют им, в конце концов, добиться желаемых успехов.

Гражданской личностью человек становится под воздействием процессов воспитания, просвещения и образования. Индивид в ходе воспитания может овладеть представлением о своем Я, чем бесконечно возвыситься как социальное существо, как личность над всеми иными земными существами. Правда, в этом осознанном Я проявляется эгоистическая ограниченность человека. Но Кант и отметил, что именно при утверждении своего любимого Я эгоизм развивается неудержимо. Открыто и тайно эгоист все более стремится подняться во мнении других личностей.

Осознавая же свои особенности, просвещает философ граждан, индивид попадает в парадоксальную ситуацию. Оказывается, даже мнение эгоиста о самом себе обуславливается мнением о нем других личностей [5, с. 357-358]. Поэтому-то философ выделяет в особое явление социальной жизни *морального* эгоиста. Этот эгоист все цели ограничивает самим собой, видя пользу только в том, что полезно ему. Именно моральный эгоизм, сочувственно констатирует Кант, “приводит к тому, что нет критерия истинного понятия о долге, которое обязательно должно быть общезначимым принципом” [5, с. 360]. Самолюбию эгоиста Кант противопоставляет плюралистический образ мыслей, при котором человек рассматривает себя как гражданин мира. Просветитель-гуманист подводит же к пониманию необходимости для граждан таких воззрений, которые позволяли бы им утвердительно отвечать на вопрос: “Имею ли я, как мыслящее суще-

ство, основание признавать помимо своего существования еще и существование других существ, находящихся со мной в общении?.." [5, с. 361].

Конечно, гуманистические положения своей этической концепции, обучающих граждан, Кантом обоснованы, по нашему мнению, только в определенной, конкретно-исторической мере. Самые зрелые мысли и глубокие идеи явились результатом многотрудных поисков философа. К ним-то и следует, на наш взгляд, обратиться во время идейного разброда в современной гражданской общественной жизни. Обратиться к этике Канта следует, во-первых, потому что он одним из первых среди образованных людей Нового времени сам стал вести себя как гражданин. В духовном мире, отметим, философ и мудрец явно ведет себя как гражданин мира. Во-вторых, потому что он также одним из первых осознал потребность каждого индивида учиться быть моральным человеком. В своих философско-метафизических опусах, посвященных этической проблематике, он, прежде всего, сам для себя осмысливал, что должен знать и, разумно руководствуясь какими моральными добродетелями, как должен вести себя каждый высокоморальный гражданин. Поэтому-то его труды, во многом, до сих пор можно рассматривать как учебные пособия по тематике добродетельного поведения личностей в гражданском обществе.

"Поскольку добродетель не прирожденна, постольку гражданской добродетели можно и должно *учить*", – отмечал Кант. Обучая гражданской морали, учитель вопрошает у разума своего ученика то, чему он хочет его научить. А если ученик не может ответить на вопрос, то учитель подсказывает ответ, руководя разумом ученика. Кант приводит пример обучения гражданина **разумной морали**. Учитель, например, предостерегает ученика, что если бы у того была возможность делать счастливым каждого, то и тогда он должен бы был сначала исследовать, насколько каждый *достоин счастья*. Ученик соглашается. Учитель тогда вопрошает, а не придет ли тебе в голову вопрос: а достоин ли ты сам счастья? Ученик соглашается. Тогда учитель и поучает, что стремление к счастью есть человеческая *склонность*, а то, что ограничивает твою склонность условием быть раньше достойным этого счастья, – это твой *разум*. А то, что ты своим разумом можешь ограничить и преодолеть свою склонность, – свобода твоей воли. Только введя в сознание обучающегося такие философские понятия, можно продолжить этическое образование гражданина. Теперь у учителя-философа есть основы для научного заключения: "Правила и указания, как поступать, чтобы иметь долю в счастье и в то же время не оказаться недостойным его, имеются исключительно в твоём *разуме*; это означает: тебе нет необходимости познавать такие правила поведения из опыта или из наставлений других людей; твой собственный разум учит и повелевает тебе как раз то, что ты должен делать" [1, с. 426].

Именно разум ставит человека на такую высоту, когда даже угроза смерти не может отнять у него сознание, что он хозяин положения в борьбе со всеми имеющимися в нем и вокруг него силами природы [1, с. 428]. Как разумное существо, сам человек наделен особыми силами. И он обязан разумно использовать свои задатки и способности. Свои *духовные силы* человек обретает посредством разума. Эти творческие силы, по мнению Канта, не черпаются из опыта жизни, а выводятся из принципов самого разума. Таковы творческие силы, появляющиеся при пользовании математикой, логикой, метафизикой природы и теоретической философией [1, с. 384-385].

Словом, следуя логике рассуждений Канта, разум следует признать тоникой в гармоническом настрое духовного мира людей-граждан.

Если бы не было людей (разумных существ вообще), не было бы того, что называется миром, отмечает философ-субъективный идеалист. Предметом

анализа мыслителя становится моральное возвышение человека над природой. Без человека (субъекта) все творение было бы пустым местом, ибо все получает свой смысл, целесообразность, полезность, когда существует кто-то, кто может *рассматривать* мир. Речь идет о “необходимости предположить конечную цель, по отношению к которой само рассмотрение мира имело бы ценность” [2, с. 477]. Эта ценность, которую человек, как самопричина, первопричина своих воззрений, может дать себе только сам. И это он делает, но “не как часть природы, а в свободе своей способности желания; т.е. добрая воля (человека – Н.Ч.) есть то, единственное, посредством чего его существование может иметь абсолютную ценность, и по отношению к чему существование мира может иметь конечную цель” [2, с. 477]. Ценность же есть то, благодаря чему происходит согласие, единение через человека-субъекта мира “вещей в себе” с миром “вещей для нас” [4, с. 268-269]. С этим-то согласуется уже суждение здравого человеческого смысла, что “человек может быть конечной целью творения только как моральное существо” [2, с. 478]. Благодаря довольно сложной конструкции воззрений субъективного идеалиста, чистый разум представляется той силой, которая делает человека “ценностью”, рассматривающей мир, а мораль – “добрая воля” выступает силой, позволяющей самому человеку признать себя ценностью, требующей к себе гуманного отношения. Для краткости можно представить ход рассуждений великого гуманиста так: у человека может быть много талантов, которые он благотворно использует как для собственного благополучия, так и на благо общества... Но что толку в них всех, если он не обладает доброй волей? – Тогда он – объект, достойный презрения, так как целью творения можно признать только моральное существо [2, с. 478]. “...Конечной целью в таком случае может быть человек, руководствующийся моральными законами...” [2, с. 480].

Когда люди познают целесообразное в геометрических свойствах фигур, поучает философ, им нет нужды искать высший рассудок, наделяющий эти фигуры целесообразностью. Точно так же проявляет себя разум при познании целесообразности моральных законов. И гуманист, отделяющий мораль от религии, подводит к утверждению, с которым вынужден согласиться самый обыденный рассудок: – “...Если вообще имеет место *конечная цель*, какую разум должен указать а priori, то этой целью может быть только человек (каждое разумное существо в мире) *под моральными законами*” [2, с. 484].

Теперь сами моральные законы предписывают разуму нечто в качестве цели без всякого условия. Существование разумных существ только под моральными законами можно, следовательно, мыслить как конечную цель существования мира [2, с. 485]. Поэтому философ, защищающий гуманистические настроения в гражданском обществе, допускает, что человек-гражданин может согласиться с положением, что бога нет, нет и загробной жизни. Однако это не избавляет гражданина от исполнения морального закона. “Каждый *разумный* (выделено нами – Н.Ч.) человек всегда должен признавать себя строго связанным предписаниями нравственности, ибо законы ее формальны и повелевают безусловно, безотносительно к целям (как материи воления)” [2, с. 487].

Кант предупреждает, что человек в своих собственных глазах будет человеком недостойным, если будет считать законы морального долга воображаемыми, не имеющими силы, необязательными и решит безбоязненно преступать их. Чистый разум как практическая способность не только содержит в моральном законе регулятивный принцип человеческих поступков. Люди по своей сути определены разумом к тому, чтобы всеми силами содействовать благу в мире. Благо же состоит в соединении наибольшего благополучия разумных существ с всеобщим счастьем и с самой законосообразной нравственностью [2, с. 489].

Человеку следует учитывать опыт человечества. Гражданин должен овладевать смыслом и содержанием метафизических моральных категорий и понятий этического учения. Поэтому философ обращает внимание, прежде всего, на те жизненно (психологически) важные моменты, которые делают граждан в силу их неразумности морально бессильными. Так у неразумных людей проявляются духовно-безнравственные (аморальные) страсти. Ведь только неразумные люди способны злоупотреблять своей личностью и своей свободой. Только люди, охваченные социально-психическими страстями, намерены и, к сожалению, оказались способны делать других людей (чаще всего, своих же сограждан) средством достижения своих целей.

Кант специально выделяет такие социально-практические страсти, как честолюбие, властолюбие, корыстолюбие. В сущности этих страстей особенно зримо и проявляется желание одного лица приобрести власть над естественными и низменными склонностями других личностей. Чтобы овладеть людьми (людьми, от природы наделенными чистым разумом и свободной волей!) как простыми орудиями исполнения чужой воли, гражданами используются такие социальные средства и силы, как *почет, власть и деньги*. Обладая ими, можно подступиться, принципиально, к каждому "цивилизованному" человеку-гражданину. Поэтому-то, иронизируя тут же, Кант отмечает, что, вызывая страсти и пользуясь ими как силой, граждане, прежде всего, становятся жертвами обмана своих собственных низменных склонностей. (Ведь ни человеку-дикарю, ни человеку-рабу, принципиально, не потребны ни власть, ни деньги, ни почет). Все три страсти обнаруживают рабский дух людей-граждан, проявляют *слабости* их рассудка. Только "цивильные" люди ведут себя, не подчиняясь представлениям, которые предписывает разум [5, с. 517-519].

В связи с этими моральными заблуждениями и предубеждениями честолюбия проявляется не как любовь к чести, а как стремление, по видимости, приобрести хорошую репутацию, что и завершается обретением высокомерия, ведет Кант метафизический анализ гражданской морали. Высокомерие проявляется, как требование определенного лица к другим людям, чтобы все перестали пользоваться собственным рассудком и разумом, перестали высказывать возражения и сомнения, соответственно, перестали уважать сами себя. У честных людей честолюбие возбуждает ненависть. Плуты же и подлецы поощряют страсть честолюбия, делая вид, что охотно и подобострастно слушают влиятельное лицо, поучающего всех: нравственных и безнравственных, правых и виноватых, честных и бесчестных. Тут-то и наступает раздолье для льстецов. Потакатели пагубно воздействуют на великих и сильных мира сего, поддавшихся соблазну высокомерия [5, с. 520-521].

Страсть же властолюбия несправедлива сама по себе. Властолюбцы стремятся, как бы заблаговременно, не оказаться под властью других лиц, поэтому постоянно нацелены добиваться власти над другими. Использование же людей как средства для достижения целей вызывает у них сопротивление и потому уже является неблагоразумным поведением. С другой стороны, властолюбие несправедливо, ибо, вызывая страх, власть над людьми достигается силой, что находится в противоречии с основанной на моральном законе свободе каждого человека, а особенно, граждан [5, с. 521].

Корыстолюбие – это страсть, лишенная духа, поучает Кант. Деньги открывают теперь все двери. Это изобретенное средство должно было быть годно только для разумного и закономерного обмена продуктами человеческого прилежания. Деньги же, по мнению многих, стали заключать в себе особую силу. Теперь люди полагают, будто эта сила вполне возмещает отсутствие всякой другой.

И хотя неразумные люди (чернь) могут восхищаться коммерческой мудростью, обнаруживаемую конкретным лицом, корыстолюбие, как страсть, всегда вызывает моральное презрение [5, с. 522].

Кант считал, что человек должен свои моральные силы направлять против пороков, противных его разуму, а потому-то неприемлемым для гражданина пожизненно необходимому долгу перед самим собой [1, с. 358]. Долг человека перед самим собой принуждает противостоять порокам лжи, жадности и ложного смирения (раболепия) [1, с. 366]. Речь, следовательно, идет об овладении моральными силами, благодаря которым человек в лице себя становится способен защищать неразумное человечество. Задача как бы заключалась теперь в том, что высокоморальные граждане должны были в своем лице защищать неразумное человечество, которое к тому же еще не знает и социально-исторического смысла своего существования. В таких обстоятельствах только мораль (законы морали) оказывалась способной помочь разуму гражданина избавиться от иллюзий и внутренних неразрешимых противоречий.

Как высокоморальный гражданин, Кант считает высказывание лжи в противоположность истине величайшим нарушением морального долга человека перед самим собой и своим чистым разумом. Ложь есть унижение и как бы уничтожение в самом себе человеческого достоинства. Личность, которая сама не верит тому, что говорит другому, имеет еще меньшую ценность, чем, если бы она была просто вещью. Передача человеком своих мыслей в словах, умышленно содержащих как раз противоположное тому, что при этом думает говорящий, "есть цель, прямо противоположная естественной целесообразности его способности сообщать свои мысли..." [1, с. 367]. Философ усматривает, что это есть отказ человека от своей личности, что в таком случае это есть лишь обманчивая видимость человека, а не сам человек. "...Сам способ следовать лжи в одной только форме есть *преступление* (выделен нами Н.Ч.) человека по отношению к своему собственному лицу и подлость, которая должна делать человека достойным презрения в его собственных глазах" [1, с. 367].

Преднамеренный обман самого себя, отмечал Кант, содержит в себе противоречие. Человек как моральное существо (*homo noumenon*) может пользоваться собой как физическим существом (*homo phaenomenon*), но не просто как средством (как говорящей машиной). Человек имеет внутренней целью общение мыслями. Он как моральное существо обязан быть *правдивым* перед собой. Философ утверждает сущностное единство между правдивостью, честностью, добросовестностью и искренностью.

Конечно, ложь неприемлема, прежде всего, по этическим соображениям. В обыденной же жизни причиной лжи может быть легкомыслие или добродушие. При помощи лжи можно преследовать действительно добрую цель. Но человек, на наш взгляд, становится способным лгать, когда он научается обманывать самого себя. Ведь выдавая ложь за правду, он-то знает, как по-правде можно вещать ложь. Поэтому, когда человек лжет, то он же и знает, что он говорит по истине ложь. Так, замечает и Кант, лгут люди, притворяющиеся верующими во второе пришествие Христа. Людская нечестность проявляет отсутствие совестливости, т.е. ясности признания перед своим внутренним судьей. Тут Кант не уходит далеко от душевных представлений моралистов Древнего мира (Сократа). Он вообще считает, что ложь – не своевольное проявление свободы рассудка в пользовании логическими конструкциями (иначе как бы можно было уличать индивида во лжи?). Ложь есть акт, подобный проявлению влюбленным желанием видеть в своей возлюбленной лишь хорошие качества и не замечать явные недостатки [1, с. 368].

Вообще-то лжи предшествует людское лицемерие, поучает философ-этик. Лицемерие должно предшествовать лжи, ибо возникновению лжи что-то должно предшествовать. Ложь “как акт свободы не может быть дедуцирована и объяснена (наподобие физического действия) по естественному закону связи действия и его причины, которые вместе суть явления” [1, с. 369]. Следовательно, в сфере проявления практического разума (воли) Кант допускает существование явлений, как бы не имеющих причины. Добрая воля – сама себе причина. Желание субъекта имеет своей причиной желание субъекта. Это есть причина, существующая как бы причиной для самой себя. Это есть причина для иного, неприродного ряда последствий. Так философ оправдывает существование особых по своим моральным свойствам связей между субъектами-личностями в гражданском обществе. Мыслитель специально привлекает внимание к этой ситуации, когда задается моральным вопросом: “Должен ли я отвечать за все последствия сказанной мной неправды в практических сделках, где речь идет о *моем* и *твоем*?” [1, с. 369]. Идеолог буржуазного общества прекрасно понимает, что именно “мое” и “твое” – это есть социальные свойства, благодаря которым и существует гражданское сообщество. Эти свойства позволяют фиксировать принадлежность любого явления в виде частной собственности какому-либо гражданину.

В гражданском же обществе даже внутренние свойства, даже моральные свойства являются частной собственностью какого-то конкретного лица. Это касается, например, собственности на такие практические чувства, как чувство совести, вины, любви. Поэтому-то становится все труднее и труднее стать и быть моральным человеком, а значит и разумным существом. Кант демонстрирует эти трудности на примере исполнения одним человеком (слугой) приказа другого человека (хозяина). Хозяин приказывает слуге солгать, сказав, когда его спросят, что хозяина нет дома. Хозяин может отдать и такое распоряжение, ибо человек-слуга есть его (хозяина) “уста”. На кого при этом, согласно этическим принципам, ложится вина? – Без сомнения, отмечает Кант, также и на слугу, который здесь ложью нарушил долг перед самим собой; последствия этой лжи вменяет слуге его собственная совесть [1, с. 369]. В гражданском обществе трудно быть моральным человеком, если тебя отягощает свое же частнособственническое чувство совестливости. Но без этого практического чувства не могло бы быть эгоистического человека, только и способного быть слугой. (Правда, заметим здесь, что без известной меры проявления своей бессовестности (соответственно, и совестливости) не могло бы быть и человека-эгоиста, человека-хозяина).

Сложность нахождения меры проявления разумной моральности человеком-эгоистом Кант показывает в своем рассуждении о скупости. Скупостью он заинтересовался, ибо этот порок находится в противоречии долгу человека перед самим собой. Скупость, по его мнению, есть ограничение в употреблении средств для своего собственного потребления до предела, который находится ниже меры собственных истинных потребностей. Избегая употреблять все средства для самих себя, люди тем самым лишают себя наслаждения жизнью. Скупость имеет в своей основе эгоизм. Но сама есть проявление неблагодарности. Она есть проявление не власти над материальными благами, а рабское подчинение им. Кант догадывается о неприемлемости товарного фетишизма, как в его расточительном, так и в скардном проявлении. Поучается, что “экономная экономика” есть скардность и нарушение человеком долга перед самим собой, есть хищение, осуществляемое субъектом у самого себя [1, с. 370-372].

Скупость есть утверждение либеральных воззрений, присущих эгоисту, – капиталу. В современных же социально-исторических условиях общественного

бытия скупость, как проявление либерального благоразумия при составлении “потребительской корзины”, явно выступает против благоразумных и гуманистических требований, направленных как на исчезновение бедности, обеспечивающей рост богатства, так и требований, отрицающих рост богатств, порождающих бедность. Поэтому либеральные экономисты и ведут речь, например, о накопительной пенсии работника, лживо утверждая, что все то, в чем он себе отказывал всю свою активную жизнь, всю свою молодость, он сможет восполнить, когда станет немощным и старым.

По нашему мнению, всеми своими рассуждениями Кант доказывает, что гражданину трудно быть моральным человеком, но это необходимо. В системе природы, считает он, человек – незначительное существо. Другое дело, человек, рассматриваемый как *лицо*, т.е. как субъект морально практического разума. Такой субъект выше всякой цены. Моральное существо должно ценить не просто как средство для своих собственных или для целей других людей, “но как цель самое по себе” [1, с. 373]. Моральный человек обладает абсолютной внутренней ценностью – *достоинством*. Благодаря своему достоинству, моральный человек заставляет все другие разумные существа уважать его. В его лице и само человечество становится объектом уважения. Кант считает, что моральный человек может требовать уважения к себе от других людей, “поскольку он должен рассматривать себя не только как лицо вообще, но и как человека, т.е. как лицо, имеющее по отношению к самому себе обязанности, налагаемые на него его собственным разумом...” [1, с. 373].

Наделенный разумом человек не должен отречься от высокой моральной оценки самого себя. Сохраняя свое достоинство, человек должен добиваться своей цели, которая есть долг. Добиваться своих целей человек должен не раболепно, не холопски, как если бы он добивался милости, а всегда с сознанием возвышенности своих моральных задатков. Такая самооценка есть долг человека перед собой. Отказ от всяких притязаний на моральную ценность самого себя – ложное раболепие. Правда, и высокомерие противоречит долгу перед другими. Однако унижение своей моральной ценности, придуманное как средство добиться милости другого (тем более лестью или лицемерием), есть ложное смирение, есть умаление достоинства своей личности и противоположно долгу перед собой. Кант справедливо отмечает, что люди способны на такое внутреннее (моральное) законодательство. Человек чувствует себя принужденным уважать в своем собственном лице морального человека. Из этого должно следовать глубочайшее уважение к себе, такое чувство своей внутренней ценности, “имея которую человек не может стать предметом продажи ни за какую цену и обладает неотъемлемым достоинством, внушающим ему уважение к самому себе” [1, с. 374].

Идеолог гражданского общества поучает граждан потребности сохранять человеческое достоинство. Он советует: не становится холопом человека; не допускать попиранья ваших прав другими; не делать долгов, не будучи уверенным, что сможете их вернуть; не принимать благодарений, без которых можете обойтись; не будьте прихлебателями или льстецами и, тем более, нищенствующими; будьте бережливыми, чтобы не стать нищими. Таких социально-моральных (политэкономических) советов еще никто из морализирующих мыслителей своим согражданам до Канта не давал.

Защищая человеческое достоинство, Кант утверждает, что выше человека никого нет: “Склонять колени или падать ниц даже с целью показать свое преклонение перед небесными силами противно человеческому достоинству, так

же как и обращение к их изображениям; ибо в этом случае вы покоряетесь не идеалу, который представляется вам вашим собственным разумом, а *идолу*, сотворенному вами самими" [1, с. 375]. Философ моралист-реформатор категоричен в своих требованиях: "Коленопреклонение и угодничество перед человеком недостойно человека во всех случаях" [1, с. 375]. Сохраняя уважение ко всем людям, стоит напомнить совет мыслителя: тот, кто превращает себя в червя, не должен потом жаловаться, что его топчут ногами [1, с. 376].

Кант, сохраняя философскую традицию, исходящую от субъективных идеалистов, утверждает идею – человек познай сам себя, познай свое сердце: доброе оно или злое, чист ли источник твоих поступков. Начало всякой человеческой мудрости есть моральное самосознание, учит Кант. В мудрости нуждается человек, стремящийся устранить в глубинах своего сердца злую волю, чтобы "культивировать никогда не утрачиваемые первоначальные задатки доброй воли..." [1, с. 380]. Моральное же самопознание устраняет фанатическое презрение человека к самому себе и ко всему человеческому роду. Задатки добра делают человека достойным самоуважения и уважения человеческого в себе. Моральное же самосознание противодействует самолюбивой оценке человеком самого себя. Беспристрастность в суждениях о самом себе и искренность в признании своего морального достоинства – это долг перед самим собой, вытекающий из самопознания [1, с. 380].

Конечно, мыслитель учитывал хрупкость человеческой природы. Стремление к моральному совершенству, как долг человека перед сами собой, по его мнению, состоит только в непрерывном движении вперед. Глубины же человеческого сердца непостижимы. Кто знает достоверно, целиком ли из представлений о моральном законе происходят мотивы соблюдения долга и не могли бы они при других обстоятельствах служить пороку? Существует множество добродетелей разного качества, среди которых, если поискать, можно найти, видимо, не одну недобродетель. Ограниченность самопознания тоже не следует сбрасывать со счета. Поэтому самопознание никогда не позволит распознать всю сумму добродетелей. Истины не падают с неба в готовом виде. Они – продукт развития человечества и развития человеческого разума. Объективно в отношении всей моральной цели, которая касается всего человечества, заповедью является: "Будьте совершенными" [1, с. 386].

Словом, моральная разумность (благоразумие) является доминантой в гармоническом настрое человеческого духовного мира.

Человек обладает разумом, который существенно отличается от всех эмпирически обусловленных способностей. Именно разум позволяет осознать, что каждый человек может научиться тому, каким надо стать, чтобы быть человеком. Для этого, учит философ, и существует наука этика. Нельзя презирать людей, тем более необразованных людей за то, что они этого не знают. Следует уважать людей, устанавливать, утверждать и защищать права человека и человечества. В человеке проявляет себя "умопостигаемая" активность, поэтому он сам может стать первопричиной деяния. Именно человек, как гражданин, осознающий себя обязанным осуществлять практические преобразования, становится субъектом морального должноствоания. Источник существования должноствоания – разум. Разум устанавливает новый, иной, особый, свой, человеческий порядок в причинно-следственных связях в мироздании. Именно, благодаря человеческому разуму и высокой моральности человека, в мироздании появляется то, без чего этих социально-исторических сил человечества осуществиться и осуществляться бы не могло.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кант И.** Метафизика нравов в двух частях. 1797 // Кант И. Соч.: В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 107-438.
2. **Кант И.** Критика способности суждения. 1790 // Кант И. Соч.: В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 5. – С. 161-527.
3. **Кант И.** Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. // Кант И. Соч.: В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 6. – С. 5-23.
4. **Кант И.** Основы метафизики нравственности. 1785. // Кант И. Соч.: В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 219-310.
5. **Кант И.** Антропология с прагматической точки зрения. 1798. // Кант И. Соч.: В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 6. – С. 359-588.

SUMMARY

The philosopher E. Kant stated that nous was the source of social morality of people and the morality of nous manifested itself in the bourgeois civil society.